

ОТКРЫВАЯ ГРУШИНА. ТОМ 2

Редакторы-составители
М.Е. Аникина, В.М. Хруль

*В оформлении издания использованы
материалы из личных архивов Н.Г. Карцевой и Э.Ю. Соловьева.*

Авторы иллюстраций
А. Карцев, А. Зиновьев

Дизайн обложки
И.И. Сердюков

Верстка
Н.А. Кушкин

Подписано в печать 10.06.2011
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура LiteraturnayaC. Офсетная печать.
Уч.-изд. л. 15,9. Усл. печ. л. 23,8.
Тираж 1000 экз. Заказ № 000

УДК 316.42 (Социальные изменения. Социальное развитие)

ББК С 51 60.51

С 52 60.52

083

083 **Открывая Грушина.** Том 2. — Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Изд-во МГУ, 2011. — 382 с.

ISBN 978-5-211-06207-8

Книга продолжает серию «Открывая Грушина», посвященную памяти выдающегося отечественного философа и социолога Б.А. Грушина.

Второй том серии содержит материалы круглого стола «Уроки Грушина, или Успех безнадежного дела», прошедшего на факультете журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова 29 сентября 2010 года, а также воспоминания дочери ученого Ольги Грушиной, его коллег и друзей, живущих в России и за рубежом.

Опубликованные в сборнике статьи и интервью представляют многогранную личность известного исследователя, знакомят читателя с его биографией и научным наследием.

Часть настоящего издания составили не публиковавшиеся ранее тексты Б.А. Грушина. В частности — его незавершенная работа «Разводы в СССР», основанная на материалах исследований Института общественного мнения «Комсомольской правды».

Для социологов, философов, историков, обществоведов, журналистов, а также для широкого круга заинтересованных читателей.

ББК С 51 60.51

С 52 60.52

© Авторы текстов, 2011

© Аникина М.Е., Хруль В.М., сост., 2011

© Издательство Московского университета, 2011

© Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011

ISBN 978-5-211-06207-8

СОДЕРЖАНИЕ

Продолжение следует

Слово редакторов-составителей 5

ОБСУЖДАЯ ГРУШИНА

«Уроки Грушина, или Успех безнадежного дела».

Материалы круглого стола с участием Е.Л. Вартановой,

А.А. Верховской, Л.Д. Гудкова, Я.Н. Засурского,

Н.П. Попова, И.Д. Фомичевой, В.А. Ядова 11

ОСМЫСЛЯ ГРУШИНА

Борис Докторов. Борис Грушин: начало постбиографии 45

Николай Попов. Жизнь между эпохами:

от Брежнева до Путина 51

Наталья Иконникова. О практиках работы в социологии 88

ВСПОМИНАЯ ГРУШИНА

Ольга Грушина. Главный мужчина в моей жизни 97

Алексей Карцев. Идеальный юбилей 100

Эрих Соловьев. Четыре жизни Бориса Грушина в советской России 102

Сергей Чесноков. «Мне интересен человек как человек...» 104

«У нас была тема очень суровая — невозможность жить

в советском обществе». Интервью Бориса Грушина

и Натальи Карцевой Дмитрию Шалину 112

Загадочный лазутчик из будущего.

Интервью Бориса Грушина Ольге Кучкиной 131

Блэр Рубл. О случайном и закономерном 143

Нэнси Любин. «Римский легион» Грушина 146

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ГРУШИНА

<i>Борис Грушин. Границы высказываний общественного мнения</i> . . .	153
<i>Борис Грушин. Институт общественного мнения «Комсомольской правды»</i>	176
<i>Борис Грушин. Разводы в СССР</i>	215

СЛЕДУЯ ГРУШИНУ

<i>Мария Аникина, Виктор Хруль. Семья и брак в сознании современной молодежи. Опыт исследования текстов самовыражения массы</i>	347
<i>Наталья Карцева. Послесловие</i>	367
Об авторах	371
Именной указатель	377

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Слово редакторов-составителей

На корешке книги, которую Вы держите в руках, самодовольно и уверенно красуется цифра «2». А ведь еще полгода назад солидный и богатый авторами первый том серии «Открывая Грушина» даже скромной цифры «1» на твердом черном переплете позволить себе не мог. Он знал, что он первый, но вовсе не был уверен, что последует продолжение.

Вполне отдавая себе отчет в том, что любители сравнительного анализа по совокупности признаков отдадут предпочтение первому тому, мы старались побыстрее собрать второй — простой, бесхитростный, в мягкой обложке и без фотографий, — чтобы убедить себя: будут и третий, и четвертый, и пятый...

Чтобы дело побыстрее «встало на крыло».

С этой же целью, невзирая на предостережения умудренных опытом коллег, мы в сентябре 2010 года скоростно (под предлогом вручения пахнущих типографской краской экземпляров книги «Открывая Грушина») собрали ее авторов и сочувствующих за «круглым столом». Его название — «Уроки Грушина, или Успех безнадежного дела» — придумала опять же профессор Ирина Дмитриевна Фомичева, за что ей большое спасибо.

Коварство замысла заключалось в том, чтобы за кулисами славословий выудить у гостей идеи и предложения для «Вторых Грушинских чтений на Моховой». О том, насколько это удалось, Вы можете судить по опубликованным в данном томе материалам «круглого стола». Нам кажется, что разговор получился: отдавая должное Грушину, его не только хвалили — с ним спорили, его текстам задавали вопросы, его идеи помещали в новый контекст, на его постулатах формулировали новые теоретические задачи...

Как и раньше, нашу работу над книгой сопровождали разные чувства, и порой вдохновение и одушевление сменяли неуверенность и сомнения. Но самым ярким чувством была радость — ра-

В 1970 году, помнишь, была вакханалия по поводу столетия вождя. Идеологические умельцы из ЦК комсомола придумали, чтобы все комсомольцы сдавали «ленинский зачет». В институте я был единственный в комсомольском возрасте, кто отказался участвовать в этой комедии. Все сдавали, я сказал: не буду. Твердолобые взбеленились. Комсоргом отдела был Юра Федоров, «сынок», его отец на льдине, кажется, зимовал. Он начал на меня большую бочку катить, «подбирать материал». Виктор Яковлевич Нейгольдберг, парторг отдела и замсекретаря партбюро института, заместитель Грушина... Замечательный человек. Я с ним был в очень добрых отношениях. Его уже нет. Виктор Яковлевич мне сказал: «Серезжа, из-за Вас у Института могут быть неприятности». Я ему сказал: «Виктор Яковлевич, не надо валять дурака (так и сказал). Вы же знаете меня. Я не могу и не буду участвовать в этой глупости, это выше моих сил. Но это только личное. Никакого другого подтекста нет. Поступим просто. Не надо афишировать мою позицию. И я не буду ее афишировать. Но участвовать в глупости тоже не буду».

В ИКСИ я познакомился с Мишей Мацковским, мы стали близкими друзьями. Первое, что мы тогда сделали, — организовали семинар по проблемам измерений. Обсуждали проблемы теории социальных измерений, методы анализа. Петя Андрукович из статистической колмогоровской лаборатории в МГУ участвовал. Был замечательный домашний семинар у Риты Марковны Фрумкиной. Она исследовала восприятие текста. Измеряла психофизические и психолингвистические характеристики восприятия. В ее семинаре внимательно изучались методы психофизических, психологических измерений. Метод парных сравнений, многомерное шкалирование и т. д. Собирались раз в неделю. Несколько лет. Мы с Мишей принимали участие в обсуждениях, делали доклады, обзоры. Изучали монографии Кумбса, Торгерсона, концепции измерений, свойства статистических процедур. Там выступал Василий Васильевич Налимов — я с ним дискутировал. Это был в высшей степени достойный человек, но направление его мышления мне не казалось плодотворным с точки зрения задач, которые интересовали меня. Кажется, ему в свою очередь были совершенно неинтересны проблемы, которые ставил и пытался решить я. На все, с чем стал-

кивался по методам измерений, методам анализа, я смотрел как бы сквозь груды таблиц на рабочих столах в грушинском отделе. Активный контекст моих размышлений создавали обсуждения состава вопросников, методических и методологических проблем по пятницам. Из числа известных «47 пятниц».

Продирался сквозь проблемы анализа и интерпретации... Эта кухня, актуальная в наших разговорах сейчас, и тогда была актуальна. Но она не воспринималась как методологически значимая. Мои попытки придать разговорам на эту тему статус обсуждения фундаментальных методологических проблем в институте поддержки не встретили. Люди видели проблемы «методики и техники», но большее видеть отказывались. Скоро стало ясно: то, что интересует меня, по сути, не интересует никого. Я понял, что должен привыкнуть к тому, что мои исследования — это только мое сугубо личное дело. Это ситуация тяжелая, но она мне нравилась. Она соответствовала моему пониманию осмысленной жизни.

БОРИС ГРУШИН И НАТАЛЬЯ КАРЦЕВА: «У НАС БЫЛА ТЕМА ОЧЕНЬ СУРОВАЯ – НЕВОЗМОЖНОСТЬ ЖИТЬ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ»

Интервью с Борисом Грушиным и Натальей Карцевой проводилось в Бостоне 11 октября 1989 года. Борис Грушин и его жена приехали в Бостон по приглашению Гарвардского университета, где Борис сделал доклад о Горбачевских реформах и средствах массовой коммуникации. Беседа проходила на квартире Дмитрия Шалина, который в 1989-1990 году был визитирующим ученым в Русском институте при Гарвардском университете. Разговор начался с вопроса о цензуре и цензурных послаблениях эпохи перестройки, затем перешел к проблеме компромисса в годы застоя, роли интеллигенции в перестроечных процессах и эмиграции из Советского Союза.

Беседа проводилась в рамках исследования об интеллигенции и перестройке, проведенного Д. Шалиным в период 1989–1996 гг. Проект включал ряд интервью с советскими учеными – теми, кто сложился в период хрущевской оттепели, пережил эпоху Брежнева и принимал участие в реформах перестройки. К настоящему времени на сайте «Международная биографическая инициатива» опубликованы записи бесед с Галиной Старовойтовой, Юрием Левадой, Валерием Голофастом, Андреем Алексеевым, Галиной Саганенко, Леонидом Кесельманом и Олегом Божковым. На сайте можно также найти биографические материалы, собранные в рамках других проектов.

Шалин: Как я вам уже сказал, русский у меня...

Грушин: Хорош, хорош. Нечего приbedняться.

Шалин: Нет, ощущение внутри такое... Сегодня у нас 11 октября 1989 года. У меня дома в гостях Борис Грушин и Наташа Карцева. Я хочу вас порасспросить о вещах, связанных с внутренней и внешней цензурой. Наташа рассказала мне любопытную историю о том, как она подготовила интервью с Володей Шляпентохом для

журнала «Социологические исследования» и что из него Анатолий Дмитриев решил выбросить. Замечательная виньетка. Там было три момента. Как эта история складывалась?

Карцева: Я сказала, что убрались чисто личные вещи.

Грушин: Значит, он выбросил негативные сноски по адресу высокопоставленных лиц...

Карцева: Имелось в виду смещение руководства в социологии, там не были прямо названы эти люди, но их легко можно было вычислить. В частности имелся в виду Руткевич.

Но политические оценки остались абсолютно все. Очень интересные, кстати. Шляпентох оценивал нашу социологию.

Шалин: А Володя держался деликатно, старался учитывать, что можно сказать?

Грушин: В общем да. Он был достаточно откровенен, достаточно открыт. Но Володя тактичный человек, он не хотел осложнять ситуацию. Это очевидно. Он всегда очень осторожно действует... Осторожно по отношению к нам.

Карцева: Я читала его последние книги, и оценки, которые он давал нашей социологии, абсолютно совпадали с тем, что он говорил мне в своем интервью. Ведь книги же его нельзя заподозрить в том, что они писались с оглядкой на цензуру.

Грушин: Но, Дима, я хотел бы здесь сказать следующее. История со Шляпентохом не является типичной в принципе, когда речь идет о цензуре. Вот сегодня мы провели очень интересный разговор с Некричем. Это была для меня огромная радость, большое событие встретиться с ним здесь. Я не знал, что он в Гарварде. Я был уверен, что он в Колумбийском университете. У него прошло интервью, как он надеется, в «Московских новостях», где он позволял себе буквально те же высказывания, которые я сегодня делал здесь. Он сказал, что совпадение просто фантастическое, даже в лексике... Говорил, что не ожидал, что даже слова так совпадут.

Шалин: Родственные души.

Грушин: Да, да, да. Но он еще не видел текста газеты. Он ее скоро получит, статья была опубликована в прошлую среду. Он надеется, что все сохранилось. Наверное все будет в порядке, хотя два месяца статью не публиковали. Не совсем понятно почему. Но

даже если все было опубликовано, это еще ничего не значит. Как и у Шляпентоха. Это все-таки голоса не своих людей.

Шалин: Давайте теперь перейдем к следующему вопросу. Вы сказали, что у вас была запись на телевидении — когда она была и по какой причине не пошла в эфир?

Грушин: Она была сделана в марте месяце. Я знаю, по какой причине она не пошла. Она не подошла по своему содержанию в целом. Кто ее зарубил, я не знаю. Я дважды встречался после этого с режиссером, человеком абсолютно своим, откровенным, хотя я его раньше не знал. Он просто говорил, что это не идет. Они затеяли новую передачу в Москве, аналогичную самой знаменитой передаче в Советском Союзе, но к сожалению, с ограниченным ареалом и с ограниченной аудиторией — ленинградскому «Пятому колесу». Это самое знаменитое действо, которое происходит на советском телевидении. Наш «Взгляд» — на два порядка ниже. Ребята во «Взгляде» — среди них есть и мои бывшие студенты — они торопятся, не дают возможности раскрутить проблему. А «Пятое колесо» построено на прямо противоположной, европейской традиции. Они не торопятся, они не заинтересованы в картинке, они дают возможность людям говорить. И сама драма монолога оказывается фантастически привлекательным зрелищем. Вот мы сидим, выдавшие виды люди, и не можем оторваться от монолога, который длится сорок минут.

Шалин: И какая у вас была цель?

Грушин: Наши ребята затеяли аналогичную «Пятому колесу» передачу, назвали ее «Ступени». До сих пор они не могут эти «Ступени» построить. Были всего две передачи... Это должно было быть некое подобие «Пятого колеса» на московской почве, где на каждой ступени встречаются люди и произносят всякие словеса, не торопясь, по разным сюжетам. А меня пригласил этот режиссер, чтобы я был таким сквозным персонажем на этих ступенях, аранжировал, обобщал это дело и завершал разговор. У нас была тема очень суровая — невозможность жить в советском обществе.

Шалин: Невозможность буквально или фигурально?

Грушин: Буквально, буквально. Я рассматривал пять типов невозможности. Началось это еще со «Взгляда», когда я впервые в связи с соловецким экологическим кризисом сказал, что в этом обществе

невозможно жить. А после этого телевизионщики ко мне обратились, чтобы я развил эту мысль более подробно. Приехали ко мне в Центр, снимали долго, долго. Я говорил, что в этом обществе невозможно жить, прежде всего, физически. Начиная с пищи и кончая медициной. Ты постоянно подвергаешься опасности изничтожения. Второй сюжет был о том, что в этом обществе невозможно жить социально, потому что нет абсолютно никаких связей, разрушены все типы коммуникаций. С огромным трудом нужно выстраивать цепочку отношений. Отсутствие клубов, отсутствие всех форм нормального общежития. Невозможность жить профессионально, произошла депрофессионализация. Это был очень серьезный тезис. Невозможность жить духовно, потому что нет никакой свободы поведения, и так далее. Я сейчас уже не помню, что еще говорил. Я не помню фамилии этого режиссера, помню, что его звали Димой. Очень яркая личность, очень мне понравился своей активностью. После окончания съемки он сказал: «Борис Андреевич, не волнуйтесь. Я понимаю, что это дело суровое, но мы его пробьем». Но не пробили. Надо сказать, что телевидение советское — а я с ними связан последние три года достаточно основательно — московское центральное телевидение в целом очень консервативная организация, очень.

Шалин: Более, чем ленинградская?

Грушин: Нет, это даже несопоставимо. Ленинградцы позволяют себе черт знает что! Еще даже при Соловьеве, даже при Романове, еще до того...

Карцева: Они как-то очень вырвались и сейчас их смотрят больше всего.

Грушин: Те, кто их может смотреть. Мы не смотрим Москву, мы все сидим на ленинградских передачах. Хотя и у них, Дима, есть свои проблемы. Меня пригласили в Ленинград примерно полгода назад. В этом году, в марте, я думаю. Очень долгая была история, кстати, связанная с вашей темой. Я не очень люблю публично выступать. У меня в этом нет надобности. Я связан со студентами, имею живую связь с ребятами, с жизнью. Но тут ленинградцы проявили большую активность, долго меня преследовали и устроили в большом концертном зале Ленинграда вечер Грушина. За деньги продавали билеты. Можно было сойти с ума, два рубля стоил билет.

Рис. Александра Зиновьева

Была огромная аудитория.. Я даже дочку взял посмотреть на это шоу. Мы с ней вместе приехали. Это был совершенно потрясающий вечер. Зал был полон. Мы начали в восемь, а закончили в двадцать минут первого. Люди вставали, говорили: «Извините, просто мосты уже разводят, последний автобус уходит». Но я бы не поехал в Ленинград, если бы не «Пятое колесо», на котором все это дело должно было появиться. Я только из-за них и поехал. Когда я появился, в зале там уже стояла аппаратура. Но никто из редакции не появился. На следующее утро у меня в гостинице раздался звонок: «Борис Андреевич, извините, нас не пустили на ваш вечер».

Шалин: Кто не пустил?

Грушин: Кто — я не знаю.

Шалин: Это не могла быть какая-то техническая накладка?

Грушин: Не-е-ет! Это был цензурный шаг: «Его снимать не надо». Мне звонили из редакции «Монитора». Это тоже очень популярная программа. Ленинградская воскресная передача, воскресное обозрение — наиболее важные события города за неделю, культурная, политическая жизнь. Они говорят: «Борис Андреевич, мы не знали, что их не пустят на ваш вечер. Мы это только сегодня узнали. Позвольте мы к вам подъедем и снимем вас в вестибюле, нам это важно». Они подскочили в гостиницу, и в «Мониторе» это прошло. Пять минут, семь минут — малый сюжет, естественно... А в тот вечер в зале мне задали 83 вопроса. Это было нечто.

Шалин: Нет сомнений, что это была политическая акция?

Грушин: Это была цензурная акция. Понять сам механизм довольно сложно. Я думаю, он не описывается какими-то общими для всех постановками. Она, как сегодня я об этом говорил, цели-

«У нас тема была очень суровая — невозможность жить в советском обществе»

ком связана с личностными характеристиками. Сегодня можно все, но не всем. Зависит от человека... Приведу один конкретный пример. Я написал текст «Дочь Чингисхана» — вы его посмотрели?

Шалин: Да, я его прочел.

Грушин: Поскольку я 20 лет провел в журналистике, у меня куча друзей очень близких, в том числе на высших уровнях журналистики — главных редакторов газет, их заместителей. Последовательно пять газет, с которыми я связан органически или персонально, отказали мне в публикации.

Шалин: Кто, например?

Грушин: «Московские новости» мои любимые.

Шалин: И объяснили почему?

Грушин: Егор мне это объяснил, но чисто формально. Эту статью я написал в больнице — была такая драматическая ситуация у меня. Ночью я брал машинку у своего лечащего врача и писал своего «Чингизхана». Это было для меня чрезвычайно важно.

Шалин: В статье была ключевая фраза, что даже Чингисхану с новым мышлением не нужна свободная наука.

Грушин: Ему не нужна наука, потому что он сам решает, что хорошо, что плохо, что красиво, что нет... И вот, не заезжая домой, прямо из больницы я поехал к Егору в редакцию.

Шалин: Егор?

Грушин: Егор Яковлев. Егор Владимирович Яковлев, главный редактор «Московских новостей». Это мой очень хороший товарищ. Он при мне посмотрел и сказал, что это слишком научно.

Шалин: То есть, обоснование было совсем не идеологическое, не политическое... а скорее стилистическое.

Грушин: Абсолютно. Не стилистическое, а жанровое. По моей просьбе Наташа позвонила нашему очень хорошему знакомому редактору «Известий» Ивану Лаптеву, и он сказал: «Конечно, Наталья. Для нас это большая честь. Пусть Боря присылает свою статью». Иван держал статью один вечер. На утро я ему позвонил, а он: «Ну ты что, смеешься, что ли. Это огромный размер, и то-се...». Я ему говорю, что можно ведь сократить. «Нет, ну что ты. Это для академического журнала, это вообще не наше дело».

Шалин: То есть его аргументы были примерно такими же, как...

Грушин: Примерно такими же...

Шалин: Это их интерпретация, а что на самом деле, по-вашему?

Грушин: Они на самом деле просто побоялись.

Карцева: А я думаю, что нет. Они печатали и более острые материалы. Просто не газетный формат.

Грушин: Подожди секундочку... Все-таки эта статья предельно острая. И на абстрактном уровне она понятна для мыслящих людей. Потом я пошел в «Советскую культуру», с которой я связан был самым тесным образом. Они тоже не взяли. Потом — в «Литературку». «Литературка» целые полосы печатает... Так вот «Литературка». Олег Мороз, завотделом науки, человек абсолютно смелый, сказал, что это очень сухо, надо вставить какие-то примеры. Я не согласился: «Олег, я не буду ничего вставлять. Я считаю, что текст готов. Нет так нет»... А я знаю, в чем дело. Они просто побоялись. Я упомянул сегодня в беседе об этом. Во-первых, есть запрещенные темы. Например, нельзя говорить о Ленине то, что можно говорить о Сталине...

Шалин: Хотя что-то стало уже возможно...

Карцева: Да, немножко больше. Каждую неделю что-то меняется.

Грушин: Первым был Селюнин, который бросил в Ленина камень. После него Цыпко.

Шалин: Статья Селюнина была в «Новом мире»?

Грушин: Да, в «Новом мире».

Карцева: А Цыпко в «Науке и жизни»...

Грушин: Кстати сказать, в последнем нашем опросе, который мы в ноябре будем проводить в Центре, я задаю этот вопрос — можно ли выпускать на экраны, давать читать лекции людям, которые утверждают, что виноват во всем не только Сталин, но и Ленин. Такой у меня есть сюжет. Я хочу посмотреть, как публика к этому относится. Первый раз мы задаем такой вопрос. Потом я спрашиваю о людях, которые говорят, что нации по определению разного качества... Это уже проблема меньшинств.

Шалин: Это любопытно, поскольку границы были незыблемыми... А вот вопрос к Вам, Наташа, Вы ведь редактор, и Вам приходится видеть, что проходит и что нет... Есть такие вещи, которые сейчас не пройдут в «Социологических исследованиях»?

Карцева: У нас сняли запреты с трех тем: наркомания, религия, проституция.

Шалин: Про самоубийства я у вас видел... Забастовки появились в материалах.

Грушин: Тему забастовок никогда не запрещали. Просто не было забастовок...

Шалин: Где-то они бывали.

Карцева: У нас этот материал шел с большим трудом. Его снимали уже из номера. Наш автор Кравченко сначала опубликовал его в рамках совместного с «Московскими новостями» «круглого стола» в газете и только после этого у нас. Но мы почувствовали, как

только сняли эти запреты, что люди много лет работали, проводили исследования по всем этим проблемам, и материалы пошли лавиной..

Шалин: А есть ли сейчас вещи, которые не проходят, которые, Вы знаете, не пройдут?

Карцева: Сейчас все очень четко. Сейчас цензуры как таковой нет.

Шалин: Нет такого дядечки, который...

Карцева: Есть... Он называется литературный правщик, как-то так. Он смотрит, чтобы не упоминались места, где есть военные секреты...

Шалин: Я хочу удостовериться, что я вас понимаю правильно. Вот номер подобран, материал готов — передаете вы его куда-то или нет?

Ю. Замоикин, вернувшийся из Америки, рассказывает об увиденном Грушину и Мамардашвили. Рис. Александра Зиновьева

Грушин: Да, конечно.

Карцева: Нет, цензуры сейчас нет. Существует только человек в типографии, который смотрит, чтоб не назывались города, связанные с военными секретами... То есть содержательной цензуры в нашем журнале сейчас нет. Это я говорю совершенно точно.

Шалин: Все, что Дмитриев подпишет, за исключением этих объектов...

Карцева: Он не должен это согласовывать с кем-то. Все зависит сейчас от главного редактора — берет он на себя эту ответственность или нет. Он, допустим, по старой памяти едет по привычному маршруту согласовывать острый материал, а ему там говорят: «Up to you. Up to you», т.е. решайте сами.

Шалин: Так. Теперь вторая проблема. Мы знаем, что внутренний цензор работает, скажем, на уровне Дмитриева...

Грушин: Есть два критерия. Они существуют объективно, независимо от персоналий, участвующих в этой ситуации. Есть запретные темы. Они все время есть. Ситуация меняется. Есть так называемые негласные проскрипции, они всем известны.

Шалин: Давайте их перечислим. Вот Ленин. А что еще? Можно сказать, что социализм — это ерунда?

Грушин: Нет. Нельзя этого сказать.

Карцева: Сейчас уже это говорят.

Шалин: Горбачев говорит, что все плохое произошло in spite of socialism rather than because of socialism [несмотря на социализм, а не по причине социализма]. А можно наоборот...

Грушин: Наташа, этого сказать нельзя.

Карцева: Как же нельзя, когда есть издания, где это говорят. «Новый мир» это себе позволяет, в «Юности» это говорят, если вы читаете «Юность», «Московские новости». «Огонек» об этом все время пишет.

Шалин: Можно говорить, что нужна многопартийная система?

Грушин: Конечно.

Шалин: А что нельзя обсуждать?

Карцева: Смелый редактор берет на себя ответственность за любую тему.

Грушин: Наташа, ты все время говоришь о личности, а я говорю о массовой ситуации. Прежде всего нужно охарактеризовать ситуацию в целом. А личность может ее преступать, личность может преступать любую массовую ситуацию. Но тем не менее массовая ситуация такая, что у них даже в мыслях нет, можно ли это.

Шалин: Но важно и то, что есть примеры...

Грушин: ...Я все не могу пробиться и закончить мысль. Есть, во-первых, определенное ограничение в теме, и есть ограничение в глубине рассмотрения. Два таких момента. А «Чингисхан» мой не шел, потому что он касался фундаментальных характеристик общества. Если бы я сказал, что Брежнев был Чингисханом — Бога ради. А когда я сказал, что была уничтожена вся наука, генерализация такая, то она неприемлема.

Шалин: Но говорили же о генетике, говорили о кибернетике, что они были практически уничтожены.

Грушин: Ну и что же. Когда речь идет о социальных науках, о присвоении права на истину партийными органами...

Шалин: Где проходит эта гибкая линия, разделяющая...

Грушин: Она не просто гибкая. Она изменчивая, она меняется во времени, но она есть. И она существует как линия, которая сохраняет свое значение для подавляющего большинства редакторов. И дело не в смелости редактора. Я это знаю и утверждаю, поскольку я занимаюсь социологией массовой коммуникации. Для подавляющего большинства редакторов нет даже проблемы «могу — не могу». Он знает, что он не может о Ленине, например, написать. Из 100 редакторов 99 просто вопроса себе не зададут, можно ли рискнуть. Кишка тонка... У них просто так устроены мозги. Они работают в старом режиме.

Шалин: А Залыгин?

Грушин: Залыгин — пожалуйста. Коротич вообще бог знает что себе позволяет... Эти конкретные примеры не должны вас смущать... Действительно, сегодня нет такой темы, нет такого уровня, который в принципе нельзя опубликовать в какой-то точке Советского Союза. То, что я опубликовал «Чингисхана» в «Новом времени», доказывает, что в принципе это проходимая вещь. Беляев Толя в «Двадцатом веке» че-е-ерт знает что себе позволяет!

Вспоминая Грушина

Шалин: Я только что прочел там статью Эткинда и Гозмана «Почему мы не уезжаем»... Могли бы и уехать, говорят. Может быть, и уедем, если вернется все обратно на круги своя... Читаешь и думаешь: «Ничего себе».

Грушин: Так вот, Толя Беляев.

Шалин: Он напечатал Солженицына «Жить не по лжи». Где-то совсем недавно, пять-шесть месяцев назад такое было невозможно. И вдруг пожалуйста.

Карцева: На обложке «Нового мира» было объявлено, что будет Солженицын, а потом его не дали...

Грушин: О чем это говорит? Что есть пределы, что они меняются. То, что было не разрешено вчера, можно сегодня. Но все равно и сегодня что-то остается, что не разрешено для всех. Но это не значит, что не находится человек, который себе позволит..

Шалин: Сейчас все зависит от позиции главного редактора. Например ваш...

(Конец первой стороны пленки)

Карцева: Он старается соблюдать равновесие... Если он дает очень острый материал, то для того, чтобы приглушить недовольство с другой стороны, он тут же для баланса напечатает статью Руткевича, например.. И поэтому если кто-то из людей старой формации, тот же Руткевич, например, скажет ему: «Что же это ты печатаешь?» — «А у нас плюрализм» — и все.

Шалин: В «Московских новостях» вы не увидите такого плюрализма...

Карцева: Конечно. Есть издания, где редакция или редактор имеет четко выраженную позицию. Например «Огонек» или «Наш современник».

Шалин: Наташа, сколько лет Вы работаете в своем журнале?

Карцева: С 82-го.

Шалин: То есть еще до перестройки.

Грушин: Она еще с Харчевым работала.

Карцева: Но нельзя сравнивать, потому что была совершенно другая ситуация. Тогда надо было каждую (каждую!) статью согласовывать на разных уровнях...

«У нас тема была очень суровая – невозможность жить в советском обществе»

Шалин: Значит, тогда действительно каждая статья должна была визироваться.

Грушин: Ну, та, которая вызывала сомнения.

Шалин: Кто в ЦК специально этим занимался?.

Карцева: У нас был Квасов. Григорий Квасов. Он был нашим куратором, и все наши материалы, ну кроме рецензий, шли через него.

Шалин: Какая у него была позиция в ЦК?

Грушин: Он был специальный инструктор по социологии, курировал социологию.

Карцева: Отдел пропаганды.

Шалин: Он мог зачеркнуть, что ему не нравилось?..

Грушин: Он зачеркнул не что-нибудь, а мой доклад для Всемирного конгресса логики и методологии. Он сказал, что это анти-марксизм, и меня просто не пустили.

Шалин: И его слово самое последнее.

Карцева: Самое последнее.

Грушин: Все, больше некуда было пойти.

Шалин: В каком это было году?

Грушин: Это было давно, году в 74-м. Григорий Григорьевич окончил наш факультет. Был у меня главным баскетболистом. Я тогда отвечал за спортивную команду. Он был без малого двухметрового роста, метр девяносто восемь сантиметров, если точно. Поэтому назывался «наш высокий друг».

Карцева: Потому, что он работал в ЦК.

Грушин: Ну не только. Потому что он был двухметровый мужик помимо всего прочего.

Шалин: И он мог прямо так в лицо сказать, что это не марксизм.

Грушин: Это при всем том, что он считал меня своим старшим учителем и относился ко мне с огромным пиететом. Он так и сказал, что это не марксизм. И я послал его....

Карцева: Ну, не надо говорить, куда... С тех пор он в пути.

Шалин: В те доперестроечные времена каждый редактор знал, что даже не стоит показывать куратору. И люди знали, что даже не имеет смысла писать.

Карцева: Да, и надо сказать, что каждый научный редактор тоже осуществлял функцию цензора. Нас было четверо в редакции, и все

мы прекрасно знали, чего не пропустит цензура. Если мы все же за-сылали что-то в набор и замечания шли на уровне цензуры, то это вызывало огромные технические сложности... Мы опаздывали...

Грушин: Если у меня когда-нибудь будет время, историческое время, то я напишу интереснейшую книгу о том, что происходило, когда шла моя книга о массовой информации в советском промышленном городе...

Шалин: Пишите дневник, по крайней мере.

Грушин: Нет, не в этом дело. У меня есть архив, связанный с производством этой книги. По содержанию рукописи сделана тысяча с лишним поправок и замечаний на четырех этапах прохождения этой книги. И я все это сохранил, могу проанализировать...

Шалин: Хотел бы я это увидеть...

Грушин: У меня все это есть, во всех деталях. Я только думаю, что не хватит времени, чтобы это воспроизвести. Но я держу весь архив, вообще все. И я к этому еще вернусь.

Карцева: У нас часто был такой спор внутри семьи. Если к Боре в текст вносили правку, снимали какие-то самые острые места...

Грушин: Наташа все время мне говорила: «Согласись. Смирись, гордый человек».

Карцева: А Боря говорил: «Тогда я забираю статью».

Грушин: Да, говорил: «Пошло все к чертовой матери». Не только статью, но даже книгу.

Карцева: И книгу. Я говорила: «Давай посмотрим на это в историческом плане. Ведь людям будет полезнее узнать хотя бы часть правды, чем не знать ничего. Давай работать в доступных рамках».

Шалин: А это ведь очень интересная проблема. В какой степени компромисс можно считать оправданным, и когда это уже не просто компромисс...

Грушин: Это уже предательство.

Шалин: Да, это уже предательство... Я вижу, как вы оба смотрите на проблему и рассудить ваш спор с каких-то нейтральных позиций трудно.

Грушин: Я забирал свои статьи всегда.

Карцева: Может быть, у меня такая профессия. Боря очень жесткий в этом смысле. И когда я была его редактором, мы всегда

очень ссорились. Вот интересно, когда у нас умирали старые наши генсеки... Ведь раньше надо было обязательно начинить любую статью с цитаты.

Шалин: Ленин, Маркс.

Карцева: Не только. Обязательно надо было перекреститься на каждую икону. И когда Боря сдавал статью, я, редактор, знала, что она не пойдет, если не вставить две цитаты из последнего партийного документа. Но каждый наш читатель уже прекрасно знал, что это никакого отношения к делу не имеет. Первые абзацы уже просто не читали.

Шалин: Ваша точка зрения, Наташа, что имеет смысл бросить им эту кость с тем, чтобы...

Карцева: Это зависит от личных качеств. Боря, например, такой человек, который не идет ни на какие компромиссы

Шалин: А вот давайте теперь здесь остановимся. Означает ли это, что вы не делали компромиссов? Любая напечатанная книга в те времена означала, что вы вступали в компромиссы, не правда ли? Какие компромиссы вы себе позволяли?

Карцева: Это правила игры, это не компромиссы.

Грушин: У меня были разные книги. У меня были книги абсолютно без компромиссов. Такой книгой является «Мнения о мире и мир мнений». Это была моя докторская диссертация. Она была напичкана кучей анекдотов политических. Анекдоты снимали. К этому я относился спокойно. Это компромисс?

Карцева: Я специально вставляла какие-то заведомо непроходимые вещи – у нас есть такой термин «жучка», чтобы именно их и сняли.

Грушин: Шляпентох тут недавно читал какую-то лекцию и начал именно с того анекдота, что в моей диссертации. Эти анекдоты снимались. К этому я отношусь спокойно, когда вырубают такие вещи. Но когда начинают копытом грязным свое писать – это я не могу допустить.

Шалин: А они это делают.

Грушин: Они прежде всего это и делают. Самое элементарное это когда пишут: «Как правильно отмечалось на 19-м съезде, на 19-й партконференции...» Это бессодержательно... Другое дело,

когда мне говорят: «Восемь целых и три десятых — это слишком много. Давайте сделаем пять целых и две десятых». Это совершенно элементарный подлог.

И многие авторы соглашаются: «Ладно, так и сделаем». Я на такие вещи абсолютно никогда не мог идти.

Шалин: То есть социальный заказ состоит не только в том, что тебе велят провести исследование, а в том, что говорят: «Надо так»... На это вы не пойдете.

Грушин: У меня есть книга «Свободное время», это раз. Есть «Мнения о мире и мир мнений» — книгу эту я забирал из Политиздата дважды. Я вдрызг с ними разругался. Она шла просто кровавым образом. Дважды забирал рукопись из редакции, говорил: «Да пошло оно все. Не надо. Не будем публиковать». Хотя в целом ко мне было идеальное отношение, и Политиздат остается единственным издательством, с моей точки зрения, где можно издавать в Союзе серьезные книги. Потому что там самые смелые люди. При ЦК они могут себе многое позволить, а другие просто трусят. Особенно издательство «Мысль». И «Наука». Какие у меня были компромиссы с книжкам? У меня была издана книжка в «Молодой гвардии», одна из первых моих работ, «Исповедь поколения». Там, конечно, была лакировка. Это совершенно очевидно. Но я был там не один, у меня был соавтор...

Карцева: Стыдно вспомнить. Твой ученик, между прочим.

Грушин: Почему стыдно? Это интересно: мой ученик, нынешний главный редактор «Советской России», человек, который опубликовал Андрееву. Но у меня был и Игорь Клямкин.

Шалин: Если можно, еще одну — две вещи я спрошу вас и потом отвезу домой. Была у вас такая фраза во время вашего выступления, когда я Вас спросил: «А разве Вы-то сами не интеллигент?» Вы сказали: «Ну, какой я интеллигент».

Грушин: Да, был хохот в зале, я помню.

Шалин: Это была шутка или есть в ней доля правды?

Грушин: Нет, конечно, я считаю себя интеллигентом. Еще как.

Карцева: Человек с классическим образованием, с латынью.

Грушин: С хорошим образованием.

Шалин: А как бы Вы сказали, кто настоящий интеллигент?

Грушин: Нет, я интеллигент в первом поколении. Вот, что я имел в виду. Дело в том, что настоящая русская интеллигенция... Помните эту знаменитую шутку Капицы, или не Капицы, может, кто-то еще это ему сказал, может Нильс Бор, о том, как можно стать интеллигентом. Сейчас эта шутка идет великолепно. Он сказал, что, во-первых, нужно окончить три института. «Три, почему три? Кому это нужно?». «Один институт должны окончить Вы. Другой институт должен был окончить Ваш отец. А третий — Ваш дед».

Шалин: Это смешно. Только тогда ты можешь...

Грушин: Только тогда ты можешь считать себя настоящим интеллигентом. Нужно закончить три института. Так вот, мы-то все кончили по одному институту, большинство из нас. Ну, Наташка третий институт кончила. Она из семьи старой русской интеллигенции.

Шалин: А помимо этого формального критерия...

Грушин: Нет, это не формальный критерий... Я очень хорошо чувствую свою ограниченность во многих ситуациях, нехватку традиционного содержания. Нельзя освоить все за одно поколение. Это совершенно очевидно. Можно приобрести знания, можно приобрести умение судить, и т. д. Но способность вести себя нельзя приобрести.

Карцева: Как вы видите [смеется].

Грушин: Ну, почему. Я ведь особенно не нарушаю этикет...

Шалин: Да или нет? У нее все-таки больше в запасе университетов [смеется].

Грушин: Нет, она считает, что я нарушаю этикет сплошь и рядом, но она не всегда права, потому что... Ну, нельзя быть идиотом, будучи интеллигентом. Хотя Пастернак часто выглядел идиотом и проигрывал. А вот новые люди моего типа считают, что с некоторыми нельзя себя вести как интеллигенты.

Шалин: Две или три самые важные вещи для определения интеллигента, помимо того, что нужно несколько поколений с университетским образованием. Как бы вы лично определили, что такое «интеллигент»?

Грушин: Что такое интеллигент? В данном контексте интеллигент — это человек, который движим исключительно внутренними

побуждениями, без оглядки на ситуацию, творчески ориентированный...

Карцева: ...Я где-то читала, что в американском толковом словаре есть слово «интеллигент», а отдельно еще слово «русский интеллигент». Это не совпадающие вещи. Речь идет о человеке с особым устройством психики, эмоционального мира, с особой совестью.

Шалин: Сахаров?

Грушин: Конечно — это классик. Капица. Лихачев... Это способность быть самим собой... А мы все время приноравливаемся.

Шалин: Значит, можно построить шкалу, где кто-то постоянно оглядывается и приноравливается, а кто-то...

Грушин: Мы можем быть очень смелыми, но остаемся в чужой системе координат, а не в своей.

Шалин: Но можно быть реакционным и оставаться в своей системе координат.

Грушин: Еще бы, еще бы. Интеллигент тоже может быть реакционным. Пуришкевич тот был интеллигентом.

Шалин: У меня есть такая вполне тривиальная идея, что реформы в каком-то смысле больше на руку интеллигенции, чем любому другому классу... Для интеллигенции гласность — это уже перестройка. Для других слоев это не совсем так. Есть такой термин «cultural capital» — культурный капитал. Так вот, этот термин указывает на то, что не только духовные сдвиги произошли, но и материальные условия жизни улучшились: можно ездить за границу, можно быть в каких-то комитетах, в то время как у рабочих ситуация не так быстро меняется. Вы согласны с этим?

Грушин: Так можно сказать. Сегодня уже это бесспорно.

Шалин: А можете вы дать какие-то примеры, указывающие на то, что интеллигенция выиграла по сравнению с 1970 гг.?

Карцева: Можно я скажу? Дело в том, что мы живем в одной среде, ходим в одни магазины, стираем в одной прачечной, дети ходят в те же школы. В этом смысле мы в равной ситуации. А что касается возможности дополнительных заработков, то рабочие ее тоже сейчас получили.

Грушин: Ты что хочешь сказать, что интеллигенция не выиграла?

Карцева: В материальном смысле? Я хочу сказать, что нет.

Грушин: А я думаю, что она выиграла.

Шалин: Не было скачка по отношению к другим?

Грушин: Нет, скачка не было.

Карцева: Интеллигенция выиграла только в смысле свободы слова, и это очень важно.

Грушин: Это чрезвычайно важно. Она получила не только свободу слова, но и свободу общения...

Шалин: А престиж?

Карцева: Скорее наоборот — это вызывает раздражение народа. Все слова, слова... Интеллигенция и материально выиграла, и по заграницам шастает — есть такое мнение... Недоброжелательство очень выросло... Сейчас очень сильны антисемитские, антиинтеллигентские настроения. Причем люди думают, что если интеллигенция так довольна, то не может же она так просто радоваться, значит, у нее доходы дополнительные... Давай расскажем про Сахарова и сахар?

Грушин: Расскажи. Это хорошая история.

Шалин: И на этом закончим.

Карцева: И на этом закончим. Когда у нас открывался первый съезд — Бориса не было в Москве тогда — одним из первых слово на съезде предоставили Сахарову... В редакции у нас традиционно чаепитие, как у вас кофепитие. Сахар у нас сейчас по талонам, купить его так просто нельзя, и вот оказалось, что из дома никто не принес, и мы сели пить чай без сахара. А в это время шла речь Сахарова. Я помню, что сказала: «Я согласна всю жизнь пить чай без сахара, но с Сахаровым». Но простой народ... Они плевали на Сахарова, им нужен сахар. Вот разница. Понимаете?

Шалин: Борис, вы занимали какие-то официальные посты, вне-академические позиции, какие-то завства были, или вы все время были связаны с академией?

Грушин: Я дважды эмигрировал. Я дважды был, что называется, в добровольной эмиграции. Я дважды был в Праге.

Шалин: Во внутренней эмиграции?

Грушин: В эмиграции, в ссылке, как угодно называйте. Я дважды терял работу.

Шалин: Ребята, самый последний вопрос. Обещаю, это будет

Вспоминая Грушина

самый последний вопрос. Можете меня послать к черту, если не хотите отвечать, поскольку вопрос деликатный.

Были соображения по поводу того, что, может быть, нужно уезжать?

Грушин: У меня — нет.

Карцева: Никогда.

Шалин: ...Во внутренней эмиграции мы все побывали в каком-то смысле.

Грушин: Конечно.

Шалин: А вот что касается внешней...

Карцева: Нет, у нас такого вопроса даже не могло быть. Не забывайте, пожалуйста, что — тебе плохо? (обращается к мужу)?

Грушин: Нет.

Карцева: Это могли себе позволить либо сироты без родителей, либо нехорошие люди.

Шалин: Вы считаете, что если кто-то у вас остался дома, то это было неправильным в моральном отношении...

Карцева: Я уверена. Это моя позиция...

Грушин: Ну, это зависит от конкретной ситуации.

Шалин: Даже если мать тебя выталкивает?

Карцева: Это другое дело. Ради своей дочки я бы пошла на такую жертву. Но от своих родителей я такую жертву не могу принять.

Шалин: А у вас какое отношение к людям, которые уезжают? Не было ощущения, что они предатели?...

Грушин: Не-е-ет...

Карцева: Нет. Ну, что вы. Нет.

Шалин: Когда я уезжал, то Володя Ядов мне сказал: «Дима, если ты уедешь и такие как ты уедут — кто же будет дерьмо это выгребать?».

ЗАГАДОЧНЫЙ ЛАЗУТЧИК ИЗ БУДУЩЕГО

Философ и социолог, доктор наук, профессор Борис Грушин выпустил первый том из обещанного «четырёхкнижия», как он это поименовал, под общим названием «Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения». Первая книга — «Эпоха Хрущева».

Аналогов этому труду нет. Как нет аналогов самому автору.

Известность пришла к нему, когда в 1960 году он создал, практически в одиночку, «Институт общественного мнения» (ИОМ) при «Комсомольской правде», за что получил прозвище «советского Гэллага». ВЦИОМ, реальный социологический институт, возникнет только в 1989 году.

Первое интервью — по выходе книги наш старый друг (с которым мы на «ты») дал, разумеется, «Комсомолке».

Сняв куртку и маузер Корчагина...

— Уже теперь очевидно, что никакой исследователь не обойдется без этой книги и последующих трех — такой вклад в науку о России ты сделал. Но сперва вот о чем. Я помню тебя молодым безумцем с горящими глазами — сейчас ты седой безумец, а огонь в глазах прежний. Я говорю: безумец — с восхищением перед бешеной энергией и глубоким погружением в свое дело. Как ты настроился на эту дорогу и по ней прошел — для меня феномен человеческий. Попробуй объясни его.

— Трудно, хотя я постоянно думаю об этом сам. Я снял с себя кожаную куртку и маузер Корчагина в 49-м году, в пору борьбы компартии с космополитизмом. И в 60-е я уже точно знал, что я должен делать. Я начинал как логик, работал вместе с Зиновьевым, Щедровицким, Мамардашвили, мы собирались открыть новое направление в логике, назвав это генетически содержательной логикой. И уже много сделали. Но времена были тяжелые, я не смог защитить диссертацию, меня провалил и на